

Москва в лицах

ЗА ВСЮ историю театра в Москве не было артиста более популярного, чем Федор Шаляпин. Слава его никем в XX веке не превзойдена. Голос действовал на слушателей магически, певец, словно искусный гипнотизер, завораживал весь зал, равнодушных не оставалось. О нем при жизни сочиняли легенды. Народ осыпал знаками внимания...

Когда дом на Новинском бульваре подвергся реквизиции, из него унесли сундук с серебряными кубками и другими «поношениями» публики, сыпавшимися на сцену.

Трудно объяснить сегодня, как это произошло, но — факт. Всемирно известный певец, первый народный артист республики, каковым Федор Шаляпин стал после Октябрьской революции, получил в 1918 году, подобно другим выдающимся деятелям отечественной культуры, «охранную грамоту» на имущество, коллекцию картин, библиотеку. Однако районные власти, не делая исключения из правил, отнесли к шаляпинской усадьбе как ко всем прочим владениям буржуазии. Они не только национализировали дом, но и неоднократно подвергали его обыскам, реквизициям «по мандатам и без мандатов», заселили жильцами.

«Как-то ранней весной во время его гастролей зашел к нему в Москве в его прежний особняк, — вспоминал писатель Степан Скиталец. — Был дождливый день. Национализированный дом был полон «жильцами», занявшими все комнаты по ордеру. Самого его я нашел наверху, на площадке лестницы мезонина. Площадка старого московского дома была застеклена и представляла что-то вроде сени или антресолей. Вместо потолка — чердак. Топилась «буржуйка», а на кровати лежал Шаляпин в ночной рубашке.

По железной крыше стучал дождь.

Завидя меня, взбравшегося к нему по крутой и узкой лестнице черного хода, он весело зашевелился и, протягивая мне руку, величественно продекламировал стихи Беранже:

Его не огорчит, что дождь
сквозь крышу льется!

Да как еще смеется!

Да ну их! — говорит».

Но то был смех сквозь слезы. Певец глубоко страдал не столько от выпавших на его долю лишений, сколько от нелепых распоряжений чиновников, посягавших на творческую и личную свободу, пытавшихся его «социализировать», поставить в приниженное положение. Прикрываясь ультрареволюционными лозунгами, они наносили вред театру и искусству.

Шаляпин, как мог, боролся с ними. Однажды эта борьба привела его в кабинет В. И. Ленина в Кремле.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь. Я все отлично понимаю, — сказал Ленин, как только Шаляпин взволнованно начал подробно объяснять суть дела, заключавшегося в том, что некие администраторы решили перераспределить имущество Мариинского театра, его богатейшую коллекцию костюмов, декорации, реквизит, поступив с этим достоянием, как с мебелью

национализированных особняков.

«Тут я понял, — пишет Шаляпин, — что имею дело с человеком, который привык понимать с двух слов и что разжевывать дело ему не надо. Он меня сразу покорило и стал мне симпатичен. «Это, пожалуй, вождь», — подумал я».

В годы гражданской войны Шаляпин не раз выступал на сцене Большого театра, перед делегатами VII съезда Советов, в присутствии В. И. Ленина. И

вержен. Впереди — трагедия нагрянула в свое время многими современниками) между народным артистом и «аппаратом», укладом отношений, ныне получившим научное определение административно-командной системы. Удары ее на себе он испытал много раз, и боль не проходила.

Уезжая, Федор Иванович нане визит на Лубянку Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Он отправился туда, по его словам, чтобы не подвергать опасности

тая в Москве против меня моими «товарищами» артистами и журналистами, не просто удивила меня, а поразила. Совершенно, конечно, не ожидал я, чтобы мое сердечное движение — помочь несчастным детишкам — истолковано было как участие в контрреволюции... Оно, конечно, вовсе не угнетало то обстоятельство, что меня отставят от звания народного артиста. Ты знаешь больше, чем кто-нибудь, как я относился в моей жизни к различным почетным званиям. Ты знаешь, что я совершенно не честолюбив и не тщеславен, но английские корреспонденты, когда я был в середине июня в Англии (Лондон) показали мне депешу от их собственного корреспондента из Москвы, что я «денационализован!» Исключен из граждан моей родины. Вот тут, признаться, я приуныл...»

Гражданство тогда Шаляпину сохранили, но звания народного артиста республики Совнарком РСФСР его лишил.

Спустя несколько лет артист опубликовал книгу «Маска и душа» с нелестной характеристикой Сталина. Зная сегодня, какие события последовали, зная судьбу Всеволода Мейерхольда и других артистов, писателей, художников, расстрелянных по личному указанию человека с мягкой походкой, кто упрекнет сегодня великого певца в том, что он не вернулся домой, кто упрекнет его в измене?!

Однако вот до последнего времени упрекали, повторяли выдумки и прямую ложь даже люди, считающие себя тонкими знатоками творчества артиста, составители книг о нем, где можно прочесть, что сознание Ф. И. Шаляпина находилось «под сильной властью мелкобуржуазных привычек. Малое и случайное сугубо личное заслоняло от него огромную важность глубоких революционных преобразований». Договариваются до того, что якобы Максим Горький не простил артисту «измены родине»!

Федору Шаляпину выпал жребий ненадолго пережить старого друга. В июле 1936 года он почтил его память статьей. И в ней подробно рассказал, как и когда Максим Горький «обратился к нему сурово:

— А теперь тебе, Федор, надо ехать в Россию!

— Тут не место говорить о том, почему я тогда отказался следовать увещаниям Горького, — продолжал артист. — Честно скажу, до сих пор не знаю, кто из нас был прав, но я твердо знаю, что это был голос любви и ко мне, и к России. В Горьком говорил глубокое сознание, что все мы принадлежим своей стране, своему народу, и что мы должны быть с ними не только морально, — как я иногда себя утешаю, — но и физически, всеми шрамами, всеми затвердениями и горбами».

Вот оно, истинное отношение к Родине, которую артист любил до последнего вздоха, несмотря на все боли и обиды, причиненные «аппаратом».

Родина никогда его изменником не считала. И не считает. Свидетельство тому — выстроенный в честь великого сына земли российской музей на вершине холма, поднявшегося над Пресней, на Садовом кольце, улице Чайковского, бывшем Новинском бульваре.

Лев КОЛОДНЫЙ.

НАРОДНЫЙ
АРТИСТ

вновь исполняет «Дубинушку», подхваченную, как некогда в 1905 году, всем театром, вслед за тем, после грома оваций, запевшим «Интернационал»...

Из дома на Новинском бульваре певец часто ходил в Кремль, подружившись с поэтом Демьяном Бедным, чья квартира служила своеобразным клубом, куда на огонек, на чай за просто приходил В. И. Ленин и другие руководители.

Нельзя не поразиться наблюдательности и глубине характеристик, которые в мемуарах дает им всем певец, особенно когда пишет об И. В. Сталине:

«Когда я впервые увидел Сталина, я не подозревал, конечно, что это — будущий правитель России, «обожаемый» своим окружением. Но и тогда я почувствовал, что этот человек в некотором смысле особенный. Он говорил мало, с довольно сильным кавказским акцентом. Но все, что он говорил, звучало веско — может быть, потому, что это было коротко:

— Нужно, чтобы они бросили ломать дурака, а здылали то, о чем было уже говорено много раз.

Из его неясных для меня по смыслу, но энергичных фраз я выносил впечатление, что этот человек шутить не будет. Если нужно, он так же мягко, как мягка его беззвучная поступь легиона в мягких сапогах, и стучит, и взорвет храм Христа Спасителя, почту или телеграф — что угодно. В жесте, в движениях, языке, глазах — это в нем было. Не то что злодей — таким он родился».

Когда писались эти строки, громадный храм еще не был по-

люди. А как скромны!!! Да здравствует народ российский!!!

Вот в такой обстановке приходилось народному артисту решать мучительный вопрос — возвращаться или нет домой.

Со второй семьей — женой и пятью детьми — выехал он летом 1922 года по разрешению Советского правительства за границу. Постоянно разъезжал по всему миру, будучи везде и всегда гражданином СССР.

В Москве после отъезда оставались первая жена, дети, за судьбу которых он всегда чувствовал ответственность.

Когда в начале двадцатых годов Шаляпин советовался с Горьким, стоит ли ему ехать жить за границу, тот отвечал утвердительно. Да и сам писатель, как известно, жил много лет в Италии. Но после возвращения в Москву Горький стал звать друга домой. Причем с каждым разом все настойчивее. Надо полагать, такие приглашения делал не только от своего имени, но и от имени того, с кем Федор Шаляпин встречался на квартире Демьяна Бедного, которого, к слову сказать, Сталин выселил из квартиры в Кремле...

Вернуться домой Федор Иванович не решался. Вот ход его рассуждений:

«Не хочу потому, что не имею веры в возможность для меня так жить и работать, как я понимаю жизнь и работу. И не то, что я боюсь кого-нибудь из правителей или вождей в отдельности. Я боюсь, так сказать, всего уклада отношений, боюсь «аппарата»...».

Такова истинная и глубинная

оставшихся в Москве членов семьи. «И поэтому обратился к Дзержинскому с просьбой не делать успешных заключений из каких бы то ни было сообщений обо мне в иностранной печати...»

Дзержинский меня внимательно выслушал и сказал:

— Хорошо».

Будучи за границей, певец всегда и везде вел себя достойно, как гражданин СССР, не вступал в контакты с контрреволюционными организациями, не оказывал им помощи материальной, не делал враждебных правительству и народу заявлений в печати.

Однажды в Париже Федор Иванович увидел у православной церкви оборванных и голодных русских детей, после чего пожертвовал пять тысяч рублей на их нужды. Однако это событие в прессе, как опасался того Шаляпин, стали толковать превратно. Шаляпина пригласили в посольство СССР во Франции, он все как было рассказал послу, написал также объяснение, посланное в Москву. Дважды перепроверил, как расходуются его пожертвования. Пользовались деньгами дети. Но дома верить не захотели...

Состоялся митинг и собрание, участники которых клеймили Шаляпина за содействие контрреволюции, измену Родине, требовали лишить его звания народного артиста, гражданства...

В письме Иоле Игнатьевне Шаляпиной 1 июля 1927 года потрясенный всем этим певец писал:

«Последняя история, подня-